

The background is a complex, layered texture of various shades of blue, from deep navy to light sky blue. It features numerous fine scratches, scuffs, and irregular blotches, giving it a weathered, almost metallic appearance. A white rectangular box is positioned in the upper left quadrant, containing the author's name and the title.

Элина Сухова

Город без неба

Элина Сухова

Город без неба

Москва

«Воймега»

2017

УДК 821.161.1-1 Сухова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С91

Дизайн серии: Сергей Труханов

Э. Сухова

С91   Город без неба. — М.: Воймега, 2017. — 64 с.

ISBN 978-5-7640-0207-1

Элина Сухова окончила Историко-архивный институт и Литературный институт им. А. М. Горького, аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Кольцо А», «День и ночь», «Октябрь», «Литературная учёба», «Пролог», «Студенческий меридиан», в «Иерусалимском журнале», различных сборниках и антологиях. Автор книг стихов и прозы «Вверх по реке, вниз по реке» (Смоленск, 2001) и «Вишнёвый остров» (Смоленск, 2009). Член Союза писателей Москвы. Живёт в подмосковной Гжели.

Книга издана при поддержке Союза писателей Москвы.

© Э. Сухова, текст, 2017
© С. Труханов, оформление, 2017
© «Воймега», 2017

Но снова встанешь в шесть

Существует ли женская поэзия, и если да, то — что она такое? Об этом русские литераторы спорят почти уже двести лет. Я, ближе к старости, стал замечать за собой обострение интереса именно к женским стихам. Увижу в «Журнальном зале» новую публикацию Кати Горбовской или Веры Павловой — и нетерпеливо открываю. А в свежие подборки некогда блиставших поэтов-мужчин даже глянуть лень. В чём дело?

Помогло просвещённое суждение Брюсова, обнаруженное в недавно вышедшем толстом томе Ильи Фаликова «Марина Цветаева» (ЖЗЛ, 2017). Женщина, — писал Валерий Яковлевич, — «глубже и подробнее чувствует самоё себя, чем мужчина, и это сказывается в её поэзии».

Приложимость сказанного к стихотворениям Элины Суховой очевидна — с тем только уточнением, что в них глубоко и подробно чувствует самоё себя как собственно автор, так и некий ближний социум, который автором опосредован и одухотворён. Ситуация, уже знакомая мне по прозе Суховой. В её замечательных рассказах больше говорилось не про себя, а про соседок по вымирающей улице, некогда застроенной («без слёз не взглянешь») убогими жилищами из шлака и некондиционного кирпича. Каждая соседка сердобольно пропущена автором через собственную душу. Всё у бабы непутёво, всё нескладно. А у которых складно, которые успешные, те на этой улице не живут — поужжали. Остались неуспешные, которые и градку вскопать помогут, и беседой обогреют, и похоронят вскладчину.

Знакомые по прозе заборы из профильного железа возникают в стихах новой книги:

    Был кирпичный завод. Теперь
    Руины — как острова...
    Щетиной сквозь первый снег —
    Некошенная трава.

И нет в стихах даже малой нестыковки между воем по забытой
миром и людьми подмосковной улице — и воем по несбывшейся
любви.

Мне ли, снегурке, вздыхать про минувшее лето?
Мне ли о страсти несбывшейся выть втихомолку?
Рухляди пёстрой, ненужной, забытой букеты
Ставлю на самую дальнюю, пыльную полку...

Это личное. Но и руины кирпичного завода — тоже глубоко
личное.

Снаружи мороз, изнутри беда...
Каждый живёт один.
Коротко.
Без следа...

Всё-таки не совсем один, пока хватает души на тех, кто тебе
мил. И не только непутёвая старуха пропущена Элиной Суховой
через себя глубоко и подробно, но и последняя в деревне корова,
и соседский пёс, которому раз в полгода выпадает счастье вволю
набегаться. («А цепь-то короткая... Будка кривая-косая из облом-
ков шифера кое-как сляпана, как он там в холода выживает?»)

Не жисть, а жость.
Но снова встанешь в шесть,
Как будто хочешь книгу перечесть —
Роман любовный, исповедь поэта, —
Как будто вправду силы есть на это...

Дмитрий Сухарев

Родительский день

* * *

Вот растительность малая —
Подорожник, лопух.
Вот тропинка над речкою,
Чтоб бежать во весь дух.
Васильки, одуванчики...
Дотянись — и твоё,
Сохнет неба холстинного
Голубое шитьё.

А теперь я вразвалочку —
Ни сумы, ни тюрьмы,
И свищу я бессовестно —
Дали б денег взаймы.
Никому не обязана —
И овца, и пастух.
Всё добро моё в горсточке —
Подорожник, лопух...

Город без неба

1

Сзади на тропинке мои следы,
Впереди — нетоптаная целина...
Замёрзшее мгновение
Между «быть» и «не быть».

2

В городе нет неба.
Сочувствую городским —
Глаза поднять некуда.
А они сочувствуют мне:
«Бедняжка! Живёт
По уши в небе!»

3

Вон та горсточка звёзд —
Называется, небось,
Как-нибудь по-учёному...
А зачем?
Может,
Чтобы объяснить,
Где меня искать,
Если что?

* * *

Перебирала вещи:
Царапина на ботинке,
Проплешина на шубёнке,
Кофточкой зацепилась —
Пуговку не найти...
Жалко-то как!
Перебираю тёткины вещи:
С проплешиной меховую,
С пуговкой неподшитой,
С царапаным каблуком —
И много-много новых.
Кому они теперь нужны?

Жестяной флюгер

1

Он разбирает компьютер,
Она заглядывает через плечо:
«Что в нём? Фурнитура?»

Он объясняет друзьям,
Что «прелесть какая дурочка»
Лучше, чем «ужас какая дура».

Он целует её, засыпает в чистой постели.
Она — смотрит в окно.
Думает о
Философских аспектах целеполагания и достижения цели...

2

Воскликнуть с надрывом: «Уеду!» —
картинно схватиться за
сердце
(кажется, оно слева?),
закрыть глаза.

Открыть глаза.
Сварить компот, поджарить бифштекс,
возможно, испечь кекс.

Лечь в кровать,
закреть глаза.
Слушать, как за
стеной
поезда, поезда, поезда...
Не
за
мною...

3

Это флюгер жестяной,
Это крылья за спиной,
И песок в горсти ложится
Электронный, заводной.

Дни как ночи коротки,
Ветер в парке рвёт листки,
И выходит хмурый вечер
Из тумана и тоски.

Кислый запах сигарет,
Дворник с пивом — листьев нет.
Чемодан — карман — записка —
Поезд — станция — билет...

* * *

Как лёгкий поплавок,
Качнётся мир души,
И шелест камыша
На грани постоянства...
Когда сказал Господь:
«Иди и не греши», —
Он не назначил путь,
Но распахнул пространство.
Так что мне от щедрот,
Покуда лёгок шаг?
Вот рыбий навык мой,
По-своему полезный:
Уметь идти вперёд,
Течению вопреки,
Уметь смотреть за грань,
Не замечая бездны...

* * *

Я знатный следопыт.
Я знаю все следы.
Вот, например,
Сорок шестого, раздвижного
В бетоне намертво
Рифлёная подошва.
Ну что сказать?
Самец. Велик, силён.
Ещё?
Метр девяносто пять
И вес сто десять.
Крепкий, мощный зверь.
Проворен и опасен.
Ещё?
Что вышить не дурак,
Как выпьет — буен.
Впрочем, девкам люб.
Лет двадцать шесть.
И трёх детишек нажил.
Законный — сын
Да двое подзаборных.
Что звали Славкой.
В том году зимой
Попал под поезд.
Больше не живёт...
Ещё? Ещё —
Ну что сказать ещё?
Что грустно быть
Хорошим следопытом....

* * *

Думала — лето навеки,
Думала — навсегда,
Но открычали лягушки,
И отцвела вода,
И поутру под валенком
Хрупкое серебро,
И на цепи к колодцу
Примерзает ведро.

Думала — времени много:
Дёргай, трать, тормоши...
Но почему-то старость
Выросла из души.
Шёлковая, не злая,
Ткнулась, как нож под ребро,
И на висках не тает
Зимнее серебро...

Много ещё успею,
Новые ждут края,
Но почему ж не греет:
«Серебряная моя!»

* * *

Если всех растворяет поток...
Сергей Королёв

Там, на реке,
Где, парус вздымая колом,
Каждый челнок мнит себя ледаколом,

Где на мели
От течения бревенный вынос,
Старый паром пытит дизельком, как примус,

По-над рекою,
Где стены от лет прогнулись,
«Аще» и «убо» ужами в камнях свернулись.

Там, за рекой,
За последнюю той рекою,
С пристани не уходи, мне вослед помаши рукою...

* * *

Нежилой, нежилой, нежилой...
В этом бабка — коза-дереза.
И опять нежилой. Сквозь кусты
Кошачьи глаза.

Вечером с псом гулять
В стылую темноту:
Нежилой, нежилой, нежилой —
Ни огня за версту...

Был кирпичный завод. Теперь
Руины — как острова...
Щетиной сквозь первый снег —
Некошенная трава.

Так замыкаешь круг,
Маленький человек, —
Площадь. Два фонаря.
Магазин. Продавец-узбек...

* * *

Дым встаёт над трубой —
Острый, отвесный, злой.
Видимо, на мороз.
Розвальни у крыльца...
Стёклышко пальцем тронь —
Не разглядишь лица.

Выцветший добела —
Жизнь ли тебя вела
Мимо земных угроз?
Лагерные срока,
Светлые облака,
Бури чужих потерь...
Всё, что осталось за
Стёклышком. И в глаза
Не поглядеть теперь.

Рамка — оправа драм,
Прожитой жизни шрам,
Но из семьи в семью —
Пропуском сквозь века —
Если в чужих зрачках
Свой прищур узнаю!

* * *

Что-то на ниточке тонкой
Будто качнётся внутри.
В это текущее небо
Вниз из окна смотри.
В эти заборы, овраги,
Ранние холода,
Снежные буераки,
Белые города...

Словно умом подвинут
С плоскости бытия,
Кажешься опрокинут
Из своего житья.
Из безуспешных свадеб,
Кухонь, чужих мужей,
Тех родных, что в объятья
Не заключить уже.

Что тебе делать в мире
Ниточном — на весу?
Что тебе в окна лезет
Этот берёзовый сук?
Прям, приманчив, упорен —
Петельку — и пари...
И две вороны двустволкой...
Не смотри, не смотри!

* * *

Эти опавшие листья — нелепо, неловко...
Лыжную палкой я их подцеплю из-под снега:
Вот тебе, снежная баба, услада, обновка,
Вот тебе, девка холодная, роскошь и нега.

Странное дело — короткие эти красоты...
К лиственной памяти можно ль прижаться щекою?
Летние встречи и наши смешные невзгоды,
Те, кто отстали, остались за вечной рекою...

Мне ли, снегурке, вздыхать про минувшее лето?
Мне ли о страсти несбывшейся выть втихомолку?
Рухляди пёстрой, ненужной, забытой букеты
Ставлю на самую дальнюю, пыльную полку...

* * *

Когда человек уходит — буднично и по сроку,
В общем-то, не страдаешь, не шлѐшь проклятия року.

Просто за ним начинаешь большую уборку:
Что-то — в помойку, а что-то — в кладовку, каморку.

Кучи вещей, лишѐнных нужды и смысла,
Странных, как патефон, коромысло...

Освобождаешь комоды, шкафы, укладки.
Всѐ теперь по местам, всѐ теперь в порядке.

А ночью глядишь в потолок, где тени фонарь катает:
Что-то пропало, чего-то так не хватает...

Утром тебя тормозат: ну, ты как, ну, что ты?
Всѐ хорошо... Только кругом пустоты...

* * *

Упростила всё.
Убрала детали.
Жизнь гола,
Будто свитер в клубок смотали.
Из птиц
Знаю только ворону.
Из зверей
Лисицу вдали видала.
Из земель
Остались дорога к дому
Да поля холодное одеяло.
Из транспорта признаю
Велосипед и лыжи.
А те, кто уходит,
Уходят под чёрный лёд
Речки нашей,
Текущей сквозь небосвод,
И становятся
Ближе.

* * *

Всё, что увидишь в вагонном стекле, сохрани.
В память впечатай — и чёрную грязь, и забор.
Бабу с ведром и гусей. И мальчишек, и пруд.
Рыжие жерди и велик. Корову, стога.
Хаты мелькнувшей белёный облупленный бок.
Мальву, и тополь, и ветку. Сороку на ней.
В острых зрачках пролетающий поезд дрожит.
Вот и последний вагон. И девчонка в окне.
Ветер упругий, и время сквозь пальцы течёт.

* * *

Вот сосна стоит одинокая,
Сук обломан, и толстый грач.
Лето наискось разлиновано
Дождиком острым. Не плачь, не плачь...

Было б о чём. Эти линии, полосы
Вспоминай, уходя,
Чёрное-белое. Мокрые волосы
Молодого дождя...

Всё перемелется. Перемололось.
Пеплом в ногах легло.
Записи, фото, любимый голос...
Выболело. Зажило...

Дождь неуёмный, но солнце проклюнулось,
Как детский круг надувной,
Как старая песня о том, что юность
Не рассталась со мной...

* * *

Возвращаться в пустую квартиру,
Где тень на полу и черней, и конкретней,
И жгучей, чем та, в Хиросиме.

Возвращаться в пустую квартиру.
Пустую, как Питер ночной,
Где мосты развели и забыли.

Возвращаться в пустую квартиру,
Где всё, что имел и оставил
По местам, по углам, по столам,
Неуместно, бесстыдно, открыто.

Возвращаться... Зачем?
Если в мире
Сколько хочешь тех мест,
Где ты не был, не видели, нет,
Не писал, не звонил, не слышали...
Не знаем.
Не знаем.
Не знаем
И знать не хотим...

Газонокосильщик

* * *

Зажило, побелело, как старый шрам, перестало болеть
То место в моей душе,
Где лежит твоя смерть.

Всё по-прежнему, знаешь ли: города, поезда, облака,
И под локоть меня поддерживает
Не хуже твоей рука.

Я всё строю воздушные замки, свожу, развожу мосты,
Над постелью, в которой
Давненько уже не ты.

И записки пишу тебе уж который год:
«Знаю, знаю, что всё проходит!
Ты скажи — этот шрам пройдёт?»

* * *

Не люблю повторяться,
но повторю опять:
море чернеет к ночи,
хочется спать.
На фотографии
всё не то и не так —
вкус абрикоса,
низкой луны пятак,
дым сигаретный,
в искорках горизонт —
звёзды? посёлок? кораблики?
Пляжный зонт
их заслоняет.
Гальку скребёт волна.
Южная дискотека
«АББУ» качает на
дальнем мысу
в санатории.

Правильно, что молчишь.
Знаешь, что всё бессмысленно.
Ты не малыш,
ты же, мой милый, —
опытный ловелас.
Что рассуждать о будущем?
Будущее не для нас.

Эти пять дней украдены
из его руки —
звук дискотеки,
искорки, огоньки,
холод морской...
Мы встретили там зарю...
Не люблю повторяться,
но сызнава
повторю...

* * *

Там, в переулке ночном, неудачник, чудак.
Здесь, в переулке дневном, с чашкой кофе в руке.
Ты вдруг поймёшь — всё идёт не туда и не так
И что пора уходить по последней реке,

В воду бросая окурки, держа на весу
Зонтик от солнца и справочник «Как уходить?»,
Внутренне зная — тебя непременно спасут
Те, кто по штату обязан спасать и хранить.

Бог? Чип и Дейл? Ангел с пламенным свитком имён?
Главный психолог Минтранса? Ночной постовой?
Вытянут, вытащат, справку дадут, что спасён,
Подпись. Печать. И отныне живи, коль живой...

Будешь бродить в переулках и бросишь курить,
Справку — у сердца, а справочник — к чёрту, в сортир!
Пить кофеёк, о спасенье своём говорить...
Зонтик оставь. Пригодится как ориентир...

* * *

доели мыши март
апрель исходит паром
топорщится ледок
чернеет грубый снег
и кажется что жизнь
потрачена задаром
а обернёшься — зря
переломился век

как расцветут сады
как вспыхнут одуваны
любуйся на лугу
и сено запасай
покуда сил ещё
хватает не заметить
что для тебя уже
наточена коса

Мороз

1

Были день и осень,
Полночь и зима,
Кипятила чайник,
Строила дома...
Камень раскрошился,
Угол не свела —
Кривовато вышло...
Плюнула.
Сожгла!

2

Чем бы дитя ни тешилось —
Всё смеётся народ:
Лодка моя без вёсел,
Непотопляемый флот...
По морю ль,
По паркету,
Вдоль по земной оси —
Из бездны,
Сквозь бездну,
В бездну —
Не размышляй,
Неси!

3

А что делать, мой милый,
Такова селява:
Снег идёт вниз, звёзды падают вверх,
Там прибиты едва-едва,
Ветер клюёт с витрин
Городских фонари,
Каждый живёт один —
Не снаружи и не внутри.
Снаружи мороз, изнутри беда...
Каждый живёт один.
Коротко.
Без следа...

* * *

давным-давно —
электрички
ещё зелёными были
а у сотовых телефонов
ещё встречались антенны —
у самой железной дороги
жила да была принцесса

прекрасней её не видали
на всём путевом участке
от дикого туголеса
до черустей центральных

всё было в ней прекрасно —
стрижечка под машинку
комбинезон джинсóвый
резиновые сапожки
оранжевая жилетка

как ходила она вдоль дороги
как стучала своим молоточком
как ждала прекрасного принца
обсуждал весь её участок
и соседний участок тоже

даже в главке московском знали
о принцессе из туголеса
и премировали
и в южный
санаторий путёвку давали

и поныне она проживает
у самой железной дороги
и сейчас хороша
лишь скулы
обтянула сухая кожа
и морщинки у глаз пробились
да чуток поседела
впрочем
седины под косынкой не видно

машет флагом на переезде
и недавно очки надела
надо было надеть пораньше
видно сослепу прозевала
своего заезжего принца
в электричке его вечерней
в его утреннем раннем скором

* * *

Покуда маленькой была —
Кормила белок.
Ходила с бабушкой в лес
Вдвоём за ручку.
Потом кормила трёх свиной,
Корову, тёлку,
Овец, гусей да пятерых
Своих по лавкам.
Потом ходила с внучкой в лес,
Кормила белок.
Кто вырос, кто ушёл в бега,
Кто вышел в люди...
Теперь готовит на двоих —
Себе и кошке.

Лелюшка

В параллельном классе училась чернявая, пухленькая Лена Лелюх. У неё из каждой волосяной луковицы на голове росло по четыре волосины. А то и по пять. Так и стояли дыбом во все стороны!

А когда родился у меня сын, появилась у нас зверюшка-Лелюшка. Вроде козы-дерезы. Она тыкалась ему «рожками» в пузико, говорила: лю-лю-лю, и мы очень смеялись.

Недавно ткнула я ему, здоровенному бородатому дядьке, «рожками» в пузико: лю-лю-лю... Смеётся — помнит! И стал мне рассказывать, какая эта Лелюшка была — лысенькая, на длинных лапах и с хоботком...

Ой... А я-то считала — она круглая, чернявая, мохнатая...

Вот так живёшь-живёшь, думаешь, что своего-то ребёнка понимаешь, как никто другой...

А выясняется...

* * *

Газонокосильщик
Своё тра-та-та
У дороги.
Длинна и пыльна его жизнь,
Как обочина трассы.
У всех на виду он,
Но словно в другом измеренье,
Никто к нему не подойдёт,
Ни о чём не попросит.
А этот, мелькнувший в авто,
Пролетающем мимо,
И рядом жена — гур-гур-гур,
Бла-бла-бла, трали-вали,
О чём-то своём, неумолчно.
Но всё, что о жёнах
Вам следует знать, —
Это вовремя «да, дорогая».
И «да, дорогая»,
Но глянешь случайно в окошко:
Ах, ножки, ах, попка,
Какая девчонка шагает!
Бу-бу в телефон
И толкает коляску с ребёнком.
А он — бе-бе-бе, тра-ля-ля
Во всю детскую силу.
И плачет, и хочет быть понятым,
Понятым! Впрочем,
Привыкнет, остынет, забудет.

Себе заведёт и комбез,
И очки, и косилку,
Машину, жену, телефон,
Будет прочих не хуже.
Не хуже, не хуже!
Такой же
Газонокосильщик...

* * *

Это мой папа,
Длинноногий и голенастый,
Чётким военным шагом
Быстро идёт по насту.
В синем кителе ярком,
Будто бы на парад...

И тут как шарахнет град!
Папа в шортах, мокрая голова.
Кричит: огурцы побьёт, закрывай...

Подъезжает трамвай.
Передай три копейки,
Ручку кассы крути...
Папа где?
Видишь, вон пальто впереди...

Вижу. Тенниска, белые брюки,
Морской прибор.
Будешь купаться?
Холодно...
Я с тобой!
С криком, толкаясь,
С разлёту влетаем в волну...

Зачем ты оставил меня одну?
Я отпустила руку.
Я потеряла нить.
Я не умею
Тебя
Хоронить...

* * *

Белела твоя косынка,
Стучала твоя машинка,
Смеялись твои глаза...
Не говори! Нельзя...

Утром гляну в окно — темно.
Вечером снова в окно — темно.
Словно выела мышь середину дня.
Или же — середину меня?

Светилось твоё крылечко,
Блестело твоё колечко,
Юго-север тебе открыт, западо-восток,
Да улетел лепесток...

Что кричать во тьму:
Никому
Тебя не отдам —
Или волком выть,
Свесься в окно по пояс?
Жизнь длинна без тебя,
Будто рельсы
На Магадан,
И коротка,
Словно дачный
Кургузый
Поезд...

* * *

Все, кто приходит к Тебе,
Говорят: дай!
Силы, здоровья, богатства,
Мужа, жену, детей,
Выигрыша, удачи,
Победы в бою.
Дай, говорят, помилуй!
Не отвернись!
А если бы каждому, каждому
Всё, о чём попросил, —
Вот начался бы кипиш,
Вопли и кутерьма!
Нет равноценных желаний,
Слаще чужой кусок,
Каждый кричит:
За что мне, сирому, недодал?!
Ты и молчишь, молчишь себе,
Ничего никому не даёшь.
Вот она — самая полная,
Высшая
Справедливость!

* * *

Не жисть, а жесьть.
И острым жёлтым жалом
Поводит лист над домом обветшалым,
Усталым, словно старый человек,
Но тянется его привычный век...
Всё глубже проседают половицы,
Морщин шербины изменяют лица...
Не жисть, а жесьть.
Но снова встанешь в шесть,
Как будто хочешь книгу перечесть —
Роман любовный, исповедь поэта, —
Как будто вправду силы есть на это...
Но встанешь в шесть.
И будешь гладить шерсть
Травы пожухлой, пахнувшей зимою,
В которую бродягою с сумою
Уходишь. Про конечность бытия
Печальна мысль, к тому же не моя...
Но жёлтый лист уже летит за мною,
И шерсть травы шершава под спиною...

Нелюбовь

1

ты поднимаешься
надо мной
на локтях
смотришь в лицо
и я вспоминаю
сколько веснушек
у меня на носу
сколько соринок
в глазу
ты пропадаешь
на три недели
молчат
телефон
интернет
так хорошо —
можно не помнить
сколько и где
веснушек
соринок

2

уходящий прав
движение лучше застоя
новое лучше привычного
решительный лучше чем трус

и остающийся прав
верность честней вероломства
терпенье честнее измены
любовь честней нелюбви
вот и я
ухожу
остаюсь
ухожу

Соловей китайского императора

Хочешь — говори, хочешь — не говори
про то, как сломалась пружинка внутри
и как твой родной соловей заводной стал безголосым.

А как пел, выкладывался весной
про меня одну, для меня одной
под луной звенящей и ледяной
и сияньем садов белёсым...

Собери консилиум, почитай
про сады, микросхемы, пружины, Китай,
в глупом сердце дырочку залатай,
академию наук озадачь пружинным износом.

Я не стану спорить по пустякам:
соловьям, их песням, дурным стишкам —
я с трудом привыкаю к чужим рукам:
я привыкла жить симбиозом.

Я спокойна, я выключаю свет,
на любой вопрос отвечаю нет,
не задумываясь над вопросом.

Лиловый, зелёный
и жёлтый

* * *

А лето кончилось, и не о чем страдать.
Есть время жить, а есть наоборот...
И листья падают и учатся летать,
Но короток неловкий их полёт...

Нам — тоже вниз, и ничего не жаль,
Но, падая, теряя высоту,
Я всё тебя стараюсь удержать,
Ладони подставляя на лету...

* * *

Там Пенелопа стирает холсты над рекою.
Красные руки её поднимаются мерно...
Время прошло, и окончился траур по Ною.
Впрочем, он звался тогда Одиссеем, наверно.

Звался он мужем и сделал ей ложе и сына,
Поле засеял, построил корабль быстроходный
И обещал: «Я вернусь. Заалеет рябина,
Жди — я с богатой добычей приду из похода!»

А Пенелопа — обрюзгшая, старая баба,
Ходит на берег тяжёлой утиной походкой.
Меч заострил, приделался получше и — баста!
Может, вернётся с какой-то случайною лодкой?

Может, вернётся? И новые простыни стелет.
Может, вернётся? И, в тусклое зеркало глядя,
Пряди седые взобьёт, щёки густо набелит...
Если вернётся — в каком его встретить наряде?

* * *

Как мама ходила согнувшись,
С утра и до ночи с лопатой,
Выкапывала незабудки,
Драла одуванчик упорный,
Со снытью настырной боролась.
А я всё кричала: «Не надо!
Не надо, не надо! Не трогай,
Прекрасны для глаз сочетанья —
Лиловый, зелёный и жёлтый!»

Сижу на высоком крылечке
Над хаосом и запустеньем,
Над этим ковром разноцветным,
Разросшимся вольно и дико,
И думаю: «Верно, всё верно —
Права была мама. Вульгарны,
Несносны и злы сочетанья —
Лиловый, зелёный и жёлтый».

* * *

Там, за старым бараком
(подумайте, жив, курилка),
так вот, за старым бараком
и рабочей столовой, где вилка
каждая так почтенна,
как почётный пенсионер,
за столовой, в которой, кстати,
гуляли, не зная мер, —
на свадьбе ли, на поминках —
гармошка, терзай меха,
так вот, за столовой, за ржавой
колонкой (вода плоха,
берёшься стирать, и жёлтым
заляпано всё бельё),
так вот — ещё дальше, за полем,
где вечное вороньё
гнездится в берёзах ветхих,
хиреющих на глазах,
почти у самой железной
дороги, где наш вокзал
вокзалом не повернётся
всерьёз и назвать язык,
в пятиэтажке...
Знаешь, в общем-то, я привык
воду носить из колонки,
нюхать дым из трубы
фабрики картонажной,
или считать столбы

высоковольтных линий,
или — копить дела
до воскресенья с пивом...
Или — спалить дотла
к чёрту пятиэтажку
и бомжевать окрест?
Но — паровозный иней,
но — перемена мест...

* * *

Памяти Н. В. Сухова

Голову закидывала в облака,
Пальчиком показывала: посмотри!
Дядя Коля, милый, что это там?
Бабочка ли, птица, клочок зари?

И, прищурясь, вглядывалась до слёз,
Провожала взглядом за небосвод...
Он не поднимал от работы глаз:
«Это — чепуховина, самолёт.

Это твоему батьке орлом летать,
Мы с тобой наземные короли!
Молотком по гвоздику — крыши скат,
Печка по кирпичику — пуп земли»...

Я ему не верила: «Ерунда!»
Думала, что всё-то мне по плечу.
И тянулась выше, ждала, когда
Вырасту и на небо улечу.

Все растём, все старимся — что терять?
Корни — в землю, проще-то говори...
Вот теперь — и вправду — учись летать,
Над землёй распахнутой воспарь!

Я стою над ямою чуть дыша,
Голову закидываю в небосвод,
И спросить-то некого: там душа
Или — чепуховина, самолёт?

* * *

Пиши, твори, ищи огрехи
И отмечай карандашом
Сомнамбулические вехи
Над хрупким словом «хорошо».

В тебе пропащая эпоха,
Её проникновенный ад,
Её смурная суматоха
На новый сложатся расклад.

Мой поперечный, порубежный,
В чужой мертвеющий горсти,
Скажи: ты всё такой же нежный?
А впрочем, бог тебя прости!

* * *

Ах, Катерина, в руках цветов, сквозняк в голове,
А над тобою — небо.
Не верь, потолок!
Ах, Катерина, слышишь, гремит соловей?
Или будильник..
Не верь, милицейский свисток.
Ах, Катерина, не то что схожу с ума,
Но говорю поперёк, о чём ни спроси..
Ах, Катерина, на запад ли, на восток —
Только с тобою..
Не верь, но всё равно — неси
Этот ответ, словно карту — на острова,
В дебри метро, как надежду на божий суд..
Ах, Катерина, любовь всегда не права.
Просто прижмись покрепче,
И может, вдвоём спасут!

Любить героя

Здравствуй, милый друг, привет, калимера.
Если есть Геракл, значит, есть и химера,
Если есть война далеко от дома,
Значит, ты в ней участвуешь, аксиома.

На любой батальной картине в раме
Вижу твой портрет на переднем плане,
Ибо ты не ведаешь пораженья,
Ты всегда законный король сраженья.

Греки турок бьют или турок грека,
Ты стреляешь как в тире, и так от века
Повелось, поскольку процесс убиванья —
Главный смысл геройского существованья.

Ты ко мне приходишь в крови и пыли,
Вспоминаешь, с кем дрался, с кем после пили,
А я — жарю мясо, и бью посуду,
И молюсь, чтобы ты уезжал отсюда.

Что в доспехах, что без — ты же весь из стали,
Сам себе памятник на пьедестале.
А я — не фанатик походов строю,
А я не умею любить героя!

Лучше буду ждать в тоске и печали,
Когда же войны тебя измочалят.
Вот вернёшься — старый, больной, калека,
Зато похожий на человека...

* * *

Луна высовывает рожки слова «смерть»
Особенно отчётливо оттуда,
Где поле плавно переходит в твердь
И где земля неловкая так круто
Сжимается, сворачиваясь в шар —
Бубенчик лёгкий с колпака паяца.
И я её принять готова в дар
И перестать грядущего бояться.

* * *

Шёл поезд мимо острова,
Острова вишнёвого,
А поезд был маленький,
А насыпь была высокая...

Высокая-превысокая,
За речкою, за протокою,
За жёлтою за осокою.

А ты за вишней потянешься
Да на поезд оглянешься —
Там рельсы блестят красивые,
Люди едут счастливые,
Эх, счастливые, едут в белый свет...
А у нас вишня есть, дома ждёт обед,
Дома мама ждёт, нас счастливей нет...

А рельсы блестят-заманивают,
А поезд стучит-вызванивает,
Вызванивает, выстукивает,
Сердце моё нащупывает:
Ах ты, дитяtko ты нелепое,
Ты за вишенкою не лезла бы —
Как счастье твоё увезут года,
Голой косточкой приползёшь сюда...

И вишня здесь горько-кислая,
И насыпь такая низкая,
И рельсы старые, тусклые,

А речка и вовсе высохла...

* * *

Домой придёшь пустее, чем
Карман картёжника,
И дым отечества тебе
Горчит отчётливо.
За то, что променял года
На расстояния,
Теперь проси себе любви,
Как подаяния.
Под брань родных, под их слова —
Чужие, хлёсткие,
Повинной ткнутья головой
В колени жёсткие.

* * *

Лето кончается, стынут круги на воде.
Где же ты, жизнь? Я б сказала, пожалуй, да грубо...
Ветер пришёл, и звезда подмигнула звезде,
Лист облетел и родился. И дальше, по кругу...

Сыплется дождь. Не успеешь взглянуть — это снег.
Вновь не успеешь — утёк, чтоб ручьями пролиться.
Здравствуй, мой милый, мой самый родной человек!
Милый, прощай! Лишь секунду объятие длится...

Эй, кинокамера божья, прошу тебя, сделай стоп-кадр,
Остановись, словно в небе летящая птица!
Дай мне мгновенье ещё — долюбить, додышать,
Прежде чем рыхлой землёю навеки укрыться...

Содержание

Д. Сухарев. Но снова встанешь в шесть 3

Родительский день

«Вот растительность малая...»	7
Город без неба	8
«Перебирала вещи...»	9
Жестяной флюгер	10
«Как лёгкий поплавок...»	12
«Я знатный следопыт...»	13
«Думала — лето навеки...»	14
«Там, на реке...»	15
«Нежилой, нежилой, нежилой...»	16
«Дым встаёт над трубой...»	17
«Что-то на ниточке тонкой...»	18
«Эти опавшие листья...»	19
«Когда человек уходит...»	20
«Упростила всё...»	21
«Всё, что увидишь в вагоном стекле...»	22
«Вот сосна стоит одинокая...»	23
«Возвращаться в пустую квартиру...»	24

Газонокосильщик

«Зажило, побелело, как старый шрам...»	27
«Не люблю повторяться...»	28
«Там, в переулке ночном, неудачник, чудак...»	30
«доели мыши март...»	31
Мороз	32
«давным-давно...»	34
«Покуда маленькой была...»	36

Лелюшка	37
«Газонокосильщик...»	38
«Это мой папа...»	40
«Белела твоя косынка...»	41
«Все, кто приходит к Тебе...»	42
«Не жисть, а жесьть...»	43
Нелюбовь	44
Соловей китайского императора	46

Лиловый, зелёный и жёлтый

«А лето кончилось, и не о чем страдать...»	49
«Там Пенелопа стирает холсты над рекою...»	50
«Как мама ходила согнувшись...»	51
«Там, за старым баракон...»	52
«Голову закидывала в облака...»	54
«Пиши, твори, ищи огрехи...»	55
«Ах, Катерина, в руках цветов...»	56
Любить героя	57
«Луна высовывает рожки слова “смерть”...»	58
«Шёл поезд мимо острова...»	59
«Домой придёшь пустее чем...»	60
«Лето кончается, стыннут круги на воде...»	61

Элина Сухова. Город без неба

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 5.06.2017

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4

Тираж 500 экз.

Удивляешься стихам Эли Суховой: такие прозрачные, летучие, такие естественные, сохранившие разговорную интонацию и сбивчивое дыхание. Чистая, вроде бы приземлённая — без пафоса и флёра — лирика о будничной жизни, о её непарадном пейзаже... Эти стихи крепки волнующим веществом поэзии и живы тем сердечным теплом к человеку, что — увы — уже редкость в литературе.

Галина Климова